

ОТ РЕДАКТОРА

Конечно, високосный год не мог не принести сюрпризов, но пандемия COVID-19 оказалась чем-то совершенно исключительным. Она закрыла границы и отправила людей под домашний арест, разрушила множество планов и ввергла население в состояние неопределенности. Она заставила вспомнить серию черных страниц в истории человечества, на которых записаны хроники эпидемий чумы и холеры. Благодаря успехам медицины мы привыкли к карантинам как к чему-то очень локальному и только из литературы знаем, что в XIX веке во время эпидемии холеры, захлестнувшей Россию и Европу, Пушкин не мог выехать из Болдина, где закончил «Евгения Онегина» и написал «Пир во время чумы», а великий Гегель эту эпидемию не пережил.

Конечно, пандемия оказала такое сильное воздействие на многие аспекты нашей жизни, что можно обсуждать как подвиг врачей, не допустивших эпидемий во время Великой Отечественной, так и возникшие экономические проблемы, но хочется обратить внимание на один очень важный аспект периодически расточающихся по миру болезней – на их моральное воздействие. Уже в одном из первых (если не в первом) историческом описании, посвященном эпидемиям, – описании афинской чумы V века до н.э. – Фукидид пишет, что самым страшным в этом бедствии был упадок духа, и поэтому люди впадали в уныние и умирали, как овцы, заражаясь друг от друга. Люди теряли уважение к законам, и распространились страшные преступления. В конечном итоге эпидемия привела к моральному вырождению жителей Афин. Действительно, если вокруг царит смерть, то чего еще можно бояться? То же происходило и во время юстиниановой чумы VI–VII веков, и во время «черной смерти» XIV века.

У нас это выглядит не так страшно, поскольку смерть отгорожена, и если только она не коснулась кого-то из близких, то представлена лишь статистикой. А статистике мы привычно не верим. Но мы уже перестали здороваться за руку и привыкаем рассматривать любого встречного как возможную угрозу. Выросло число разводов, потому что во время самоизоляции оказалось, что вместе живут чужие люди, у которых нет общих интересов. И еще оказалось, что мы заглянули в будущее: нормальное общение заменилось электронным, хождение по музеям, как и посещение концертов, стало виртуальным. Обнаружилось, что множество профессий не требует пребывания на специальном рабочем месте. Эти возможности были и раньше, но не задействовались в массовом порядке. И всерьез возникла угроза перемещения детей и подростков в цифровую образовательную среду (ЦОС), о которой, захлебываясь от восторга, говорят ее создатели, совершенно не представляя последствий этого переселения. А если для каждого «переселенца» будет создана своя, индивидуальная, траектория обучения, то что будет с общением? О чем люди смогут говорить друг с другом? Это ключевые проблемы социальной философии, и мы обязательно будем о них говорить в журнале.